«ЭПОХА В ЛАЗУРНЫХ ТОНАХ»: К ПРОБЛЕМЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И УПОТРЕБЛЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Е.А. Косых

Ключевые слова: лазурный, валентность, колоризм, корпус, лексическое значение, сочетаемость прилагательного

Keywords: azure, valence, colorism, body, lexical meaning, adjective compatibility

https://doi.org/10.14258/filichel(2026)1–08

Введение

Цвет и его обозначения — одно из изученных, но продолжающих развиваться направлений в лингвистике [Алимпиева, 1982; Бахилина, 1975; Василевич, 2005; Кульпина, 2019], а современные цифровые технологии предлагают новые подходы к описанию привычных объектов и предметов научных исследований и расширяют возможности исследователей, в том числе занимающихся изучением колоризмов, т.е. цветобозначений. Контент Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) позволяет проследить функционирование лексических единиц языка и установить валентные связи и их динамику на протяжении более чем 200 лет.

По утверждению С.В. Кезиной и М.Н. Перфиловой, для подобной лексики «…особенно важно изучение сочетаемости цветообозначений при анализе исторической динамики цветолексем» [Кезина, 2017, с. 68]. Исследование сочетаемости колоризмов, или, по терминологии С.Д. Кацнельсона, валентности [Кацнельсон, 1987], именно в аспекте динамики определяемых колоризмом слов актуально и в плане лексикографирования цветобозначений, и в плане описания изменений их лексического значения, с которым связывал валентность С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон, 1987].

По нашему мнению, любая эпоха может быть представлена набором цветообозначений, регулярно употребляющихся в языке и литературе, что может быть рассмотрено как предпочтение. Наряду с радужными цветами в произведениях поэтов, писателей, публицистов выделяется набор колоризмов, формирующий «предпочтения» и, возможно, «моду» на их употребление в художественной и публицистической речи [Бакланова, 2018; Косых, 2024]. При изучении системы цветообо-

значений русского языка привлекла внимание частотность слова ***лазурный*** при описании цвета неба, моря, глаз и др. Данные наблюдения позволили предположить, что прилагательное ***лазурный*** в качестве цветообозначения было одним из употребительных именно в XIX в., одним из частотных метафорических средств, которое активно использовалось в значении '*имеющий цвет лазури; светло-синий*' [Словарь русского языка, 1987–1930], т.е. цвета азурита или лазурита.

Рассматривая прилагательное *лазурный* в системе «эпоха цвета»[1] [Косых, 2024], мы проследили функционирование колоризма с XVIII по XXI в. в основном и поэтическом подкорпусах НКРЯ. Представим данные исследования на материале текстов НКРЯ в период с 1775 по 2025 гг.

В процессе выборки существительных, определяемых прилагательным *лазурный,* учитывался атрибутив в значении '*светло-синий, ярко-голубой, небесный*' [Большой академический словарь…, 2007]. Если слово входило в состав сложного цветообозначения (например, «*лазурно*-сизо-бирюзовы… круги: Г.Р. Державин, 1795», «*лазурно*-алой феи: К.Д. Бальмонт, 1905», «во дворце *лазурно*-хризопразовом: И.В. Чиннов, 1981», «*лазурно*-изумрудное сиянье: И.Л. Лиснянская, 1995»), то его сочетаемость не входила в статистику исследования. В статье учитывались все падежные и родовые формы имени прилагательного, его полная или краткая форма, выполнявшая функцию определения, а также сочетания, в которых прилагательное передает оттенки или насыщенность лазурного (*светло-, ясно-, тёмно-, прозрачно-лазурный*).

Методы и материалы исследования

Основными методами выступают общенаучные, обусловленные описанием, методы лексико-семантического анализа и наблюдения за структурно-семантическими и функциональными особенностями прилагательного ***лазурный***, выявленными в словарных источниках, специальной литературе, а также материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В качестве объекта исследования выступило прилагательное ***лазурный***. Методом сплошной выборки и путем статистического подсчета употребления слова были определены валентные связи прилагательного и выявлен круг определяемых суще-

[1] Сочетание «эпоха цвета» понимается нами в значении активного и регулярного употребления не только конкретного цвета в живописи, графике и т.д., но и его обозначения в языке, публицистике, литературе.

ствительных в зависимости от периода и подкорпуса НКРЯ (по данным на август 2025 г.).

Результаты исследования

Прилагательное *лазурный* в текстах основного корпуса НКРЯ

В период с 1793 по 2020 г. в основном корпусе содержится 656 текстов, в которых зафиксировано 1040 примеров употребления прилагательного *лазурный*.

***Прилагательное лазурный* в XVIII в.**, по данным Словаря русского языка, функционировало наряду с прилагательным *лазоревый,* через отсылку к которому и приводится значение исследуемого колоризма [Словарь русского языка XVIII в.]. Семантика обоих цветообозначений связана с представлением о *светло-синем* цвете. Прилагательное *лазурный* в примерах указанного словаря представлено и в огласовке «*лазорный*»: «*Играет Фебов луч лазорных вод в красѣ*: Костров, Соч. 83»).

В период с 1793 по 1800 г. в качестве цветообозначения данное прилагательное употреблено только один раз Н.М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника»: «*Мне хотелось бы остановить, удержать его на лазурном своде, чтобы долее быть в прелестном Трианоне*: Н.М. Карамзин. 1793». В 1795 г. отмечены еще два контекста с прилагательным *лазурный,* в которых оно выступает как относительное в исходной семантике ‘*относящийся к ляпис-лазури*’, ‘*состоящий из азурита (лазурита)*’: «*Возьми столченаго въ порошокъ лазурнаго камня, разведи водою и вытирай картину…*»; «*Бываетъ оное…въ лазурномъ и кристализованныхъ камняхъ…*: В.А. Левшин. Всеобщее и полное домоводство. Ч. I, 1795». В данный период прилагательное только начинает выполнять функцию колоризма. При этом природный цвет камня предопределяет будущие валентные связи с тематическими группами слов, обозначающих прежде всего похожие по цветовой окраске природные предметы или объекты и явления.

Прилагательное *лазурный* в XIX в. в словарных источниках представлено слабо: оно либо отсутствует [Словарь русского языка XIX в.], либо приводится через слово *лазоревый*, *лазурь* [В.И. Даль, 2006].

С 1801 по 1899 г. *лазурный* (и *лазурен*) как цветообозначение зафиксировано в 210 текстах с 55 существительными (данные приводятся по количеству употреблений — от максимального к минимальному, форма дается в именительном падеже; отдельно учитывались формы единственного или множественного числа определяемых имен существительных): *небо* — 26; *море* — 14, *свод* — 10, *высота* — 7, *глаза, очи, залив, цвет* — по 4, *вода, высь, даль, небеса, поле* (щита, герба), *про-*

странство — по 3; *гладь, крылами, купол (неба), океан, река, скатерть, стена, царство* — по 2. Остальные имена существительные в сочетании с *лазурным* встретились один раз: *бездна, блеск, взгляд, воздух, волна, вышина, глубина, глубь, грот, дорога, жилки, книга, коронка, ложе, небосклон, облака, огонь, озеро, оттенок, переливы, перья, поверхность, полоса, полоска, равнина (вод), свет, сиянье, стезя, степь, тишина (тишиной), фон, царство, шатер (небес), эфир*.

Основная часть сочетаний «*лазурный + имя сущ.*», помимо разнообразных форм синтагмы «лазурное небо», — это метафорические сочетания, ассоциативно отсылающие к словообразу «небо»: *лазурный* свод (10 употреблений), *лазурный* купол (2), *лазурная* высота (7 раз) / высь (3 раза) / вышина (1), небеса (3): «…*белые чайки, словно серебряные платочки, реют бесстрашно над ужасной пучиной и исчезают в лазурной* выси: М.П. Старицкий. Молодость Мазепы. «Московский листок», 1898»; «…*высокие деревья казались чуть ли не собственной нашей бородою, опускающеюся в лазурную глубь небесного океана*»: А. А. Фет. Мои воспоминания. Ч. I, 1862–1889». Обозначение *лазурным* цвета неба (небес) встретилось 29 раз: *лазурны* небеса, на *лазурном* небосклоне и др.: «…*под необъятным лазурным небом безоблачного июньского дня, Влас со своею находкой за пазухою как бы исчезали, не замечались…*»: К. К. Случевский. Идол, 1898»; «*Иногда это весеннее небо было свѣтло, лазурно…*: Л.А. Авилова. Мотькин предел, 1896».

Вторым по частотности в сочетании с колоризмом *лазурный* выступает существительное *море* — 14 примеров: «*Над ними было постоянно голубое, ясное небо, а вокруг тихое, лазурное море*: Н.П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки, 1872»; «*Подошвы горъ и скалъ омываются лазурнымъ неподвижнымъ моремъ*: Картины Айвазовскаго въ Ѳеодосіи. «Москвитянинъ», 1850». Определение прилагательным *лазурный* неба и моря (воды) как двух зеркальных пространств характерно и для художественной литературы, и для языка в целом. Сочетания с указанными именами наиболее регулярны на протяжении всех изучаемых периодов.

В течение столетия прилагательное увеличило количество валентных связей со словами тематической группы «природные объекты и явления»; начинают формироваться варианты валентных связей с именами тематических групп «артефакты», «внешность человека»; активно развивается способность прилагательного определять абстрактные понятия. В XIX в. прилагательное «расширяет» функциональное пространство, начинает постепенно включаться в сочетания, которые приобретают значение имен собственных. Например, в 1878 г. И.С. Тургенев пишет стихотворение в прозе «*Лазурное царство*»: к данному поэ-

тониму в XX в. будут апеллировать другие писатели и поэты. Но активно процесс онимизации и субстантивации колоризма будет развиваться уже в следующем столетии. Как отмечено в Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук, в начале XX в. прилагательное имело значение '*цвета лазури, светло-синий, темно-голубой, лазоревый*' [Словарь русского языка, 1897–1930]. В приводимом источнике о прилагательном сообщается, что оно «свойственно поэзіи, преимущественно стихотворной» [Там же, с. 119].

С 1900 по 1999 гг. в XX в. *лазурный* встречается в 350 текстах в сочетании со следующими именами существительными (151 единица): *небо* — 44; *море* — 43; *берег* — 14; *цвет* — 11; *грот, даль* — по 9; *воды, гладь, глаза, озеро* — 7; *царство* — 6; по 5 сочетаний прилагательного *лазурный* со словами: *бухта, вода, волна, высота, высь, небеса*; 4 — со словом *глазок, день*; по 3 — с существительными: *берега, воздух, вышина, краска, крылья, огонь, океан, очи, побережье, пролёт, простор, свод, утро*; по 2 — со словами: *воды, взор, грёзы, гусары, звезды, край, луч, отлив, поле, поле (герба), полоска, пятно, река, синева, сиянье, струя, тень, фон, ширь:* «*Было тихо. Лазурное небо точно плакало вдали*: Андрей Белый. Кубок метелей, 1907»; «*…Море было лазурное и ласковое*: Е.Н. Чириков. Зверь из бездны. Поэма страшных лет, 1926»; «*Лазурное пятно, летевшее на усадьбу, разорвало, разогнало все тучи…*: А.Н. Толстой. Детство Никиты, 1919–1922»; «*На дубовых дверях золотой лев сотрясал правою лапою меч, а левою вонзал связку стрел в лазурное поле герба*: Л.П. Гроссман. Записки Д'Аршиака, 1931».

С именами существительными (99 единиц) прилагательное *лазурный* зафиксировано по одному разу: *алмаз, атлас, берега, бесконечность, вечер, времена, времяпрепровождение, всадники, вывеска, глубь, гора, горизонты, город, град, громада, далёко, деревья, детскость, дно, дым, дымка, жимолость, заросли, зелень, змеёй, изгибы, иней, капля, квадратик, клочок (неба), кобальт, ковры, колокол, комбинация (красок), корешок (Есенина — книги), костюм, круги, крылышки, купол (неба), ласка, латунь, листва, лужа, лучистость, мантия, мгла, мелодия, мечеть, музыка, небосвод, небосклон, обложка, одеяло, одеяние, озерцо, око, отблески, отпечаток, персик, пижама, пламя, плес, поверхность, покой, пологъ, полотенце, полоса(–ы), портьера, поток, призрак, прожилки, происхождение, пространство, простынь, пустота, пустыни, пятнышко, свет, сентябрь, серп, сказка, снопики, спина, спячка, степь, стрела, талия, твердь, тишь, туман, утёсы, фрак, хитон, хохолок, чистота, шар, шатер (небеса), шеф, штаны, штиль, эфир*: «*Какое-то пятно темнело в толще* ***лазурного штиля***: Александр Иличевский. Матисс.

«Новый Мир», 2007»; «*Его округлые плечи покрылись каплями пота, он вытер их Алиным* ***лазурным полотенцем***: Анна Берсенева. Полет над разлукой, 2003–2005».

В отличие от предыдущих эпох, *лазурный* активно включается в определении имен собственных — гидронимов (4 примера): с существительными *Ковсерь* и *Рона, (Средиземное) море, (Онежское) озеро*; используется в составе урбанонимов, в том числе и как субстантив (7 примеров): «*Лазурный*»/ «*Лазурное*» (например: «*С 1937 г. Суук-Су стал артековским лагерем (лагерь «Лазурный»)*: В «Артек»? В «Артек»… В «Артек»!!! «Туризм и образование», 15.06.2000»; в прозаических произведениях как номинация «сюжетных» объектов: «*Лазурное облако*», «*Лазурная звезда*», «*Лазурные горы*» (трижды); «*Лазурное царство*», «*Лазурные берега*», «*Лазурные воды*» *(дважды);* «*Лазурное море*» (один раз). Например: «*Эти люди … выходят на сцену … с такой фальшью в напряженном голосе и в способе давать его, что получается не «Лазурное царство», а какая-то санатория*»: С.М. Волконский. Мои воспоминания. Т. 2, 1923–1924».

Начиная с 1922 г. появляется и активно к концу XX в. (43 раза) употребляется топоним *Лазурный берег* в значении '*юго-восточное Средиземноморское побережье Франции*': «*Родился он где-то во Франции — не то в Провансе, не то на самом Лазурном берегу, во всяком случае, на юге*: А. Ветлугин. Третья Россия, 1922». Однако до середины 50-х гг. случаи употребления топонима единичны.

В XX в. авторы активно используют прилагательное *лазурный* для характеристики бытовых предметов: *хитон, фрак, талия, одеяло, хохолок, костюм, портьера*, что свидетельствует о «выходе» данного цветообозначения из сугубо книжной, поэтической стилистики в общеупотребительную лексику. Однако возвышенный оттенок в семантике прилагательного, по нашему мнению, сохраняется. Об этом свидетельствуют традиционные сочетания со словами, обозначающими пространство: *небо, небеса, море, озеро, океан, небосвод, небосклон, поле, побережье, ширь*. К регулярным сочетаниям можно отнести и сочетания с существительными *глаза, очи*: «*…и нет ничего, кроме… благодатного старца, с лазурными очами, сияющими радостей радостью и говорящего нам: „Христос воскресе!“:* С.Н. Булгаков. Дневник, 1925»; «*Серафический взор прекрасных лазурных глаз, сурово-созерцательный, далекий, и детски-беспомощная застенчивая улыбка*: В.Г. Малахиева-Мирович. Маятник жизни моей: дневник русской женщины, 1933».

Таким образом, прилагательное *лазурный*, сохраняя семантику '*имеющий цвет лазури, светло-синий*' [Словарь современного русского ли-

тературного языка, 1957], в XX в. меняет характер функционирования: с одной стороны, наблюдается «демократизация» по отношению к большему количеству существительных, а с другой — четкое закрепление за определением пространства (*небо и море*), но к концу периода употребление прилагательного *лазурный* в сочетании с указанными существительными резко сокращается. На первый план выходит сочетание *Лазурный Берег,* выступающее как пример формирования на базе колоризма топонима, связанного ассоциативно с цветом номинируемого пространства. В качестве колоризма *лазурный* становится малоупотребительным, вероятно, из-за процессов, описанных ранее [Косых, 2001, 2022; Сивова, 2024, с. 155].

Первая четверть XXI в. (с 2000 по 2025 г.) представлена 210 текстами, в которых отмечены сочетания прилагательного *лазурный* с 68 именами существительными: *море* и *небо* — 24 и 21 употребление соответственно; по 5 раз со словами: *берег, воды, небеса*; по 4 раза — *гладь, глаза, плитка, цвет*; по 3 употребления — *волна, волны*; по 2 — *вода, глубины, день, купол, озеро, океан, полотенце, пустошь, шали*. Остальные 48 имен существительных представлены единичными сочетаниями с *лазурным*: *бухта, воздух, вышина, закат, изразцы, карнизы, коктейль, колер, колонны, край, лагуна, лезвия (крылья стрекоз), луга небес, небосклон, облака, облачка, огонь, огни, озерцо, озёра, бессмертник, пенал, песня, платок, плафон, пруд, пустота, пятаки (глаза), равнины, речка, свечение, свод, синева, синь, сны, стена, сорочка, течение, украшение, утро, фиалки, фон, фреска (неба), цветы, чаша, шатёр, штиль, щит, ясность*. По данным Большого академического словаря русского языка, прилагательное сохраняет цветовое значение ‘*имеющий цвет лазури*, *светло-синий*’ [Большой академический словарь, 2007, с. 36].

Как и в XX в., в начале нового тысячелетия активно используется топоним *Лазурный Берег* (111 раз) с синонимичным выражением *Лазурное побережье* (7 употреблений). Прилагательное функционирует в составе урбанонимов: *улица Лазурная, Лазурная гавань;* чаще выступает как имя собственное и во вновь появляющихся названиях: «Редиссон-*Лазурная*» (2), лагерь «*Лазурный*» (4), гипоним (кличка жеребца) *Лазурный* (2), БАТМ «*Лазурный*», жилой комплекс «*Лазурный блюз*», бухта *Лазурная*, пансионат «*Лазурный берег*». Последний пример доказывает, что топоним *Лазурный Берег* в современном русском языке переживает процесс деонимизации или омонимизации, т.е. становится коллокацией *лазурный берег*, со значением ‘место хорошей жизни, достатка, возможности (богатого) отдыха’. Хотя в словарных источниках такое значение пока не представлено.

Возможно, ономизация и субстантивация способствовали снижению функции цветообозначения и употребительности прилагательного *лазурный* в значении оттенка группы синего цвета к началу XXI в.

Прилагательное *лазурный* в поэтических текстах НКРЯ

С 1775 г. по 2009 г. зафиксировано 1007 употреблений прилагательного *лазурный*.

Конкорданс для колоризма *лазурный* XVIII в. (с 1776 по 1799 г.) включает 19 примеров в сочетании с 10 именами существительными: *свод* — 7; *высоты, своды — по 2; горизонт, моря, небеса, огни, свет, тучи, цвет* — по одному разу. Например: «*В голубом лазурном своде / Ярко блеск луны сиял…*»: В.В. Попугаев. Сон, прервавшийся в минуту благополучия: «В голубом *лазурном своде…*», 1799»; «*Но солнце, но сии* ***небес*** *лазурны своды…*»: М.Н. Муравьев. Зрение: «О превосходное души орудье, Око…», 1776-1785»; «*Лазурны тучи, краезлаты…*: Г.Р. Державин. Любителю художеств: «Сойди, любезная Эрата!..», 1791».

Для поэзии XVIII в. важно отметить различие в употреблении прилагательного *лазурный* со словом *свод*: как самостоятельное сочетание и как коллокацию с обязательным «конкретизатором» слова *свод* («*лазурный свод* ***эфира***», «***небес*** *лазурны своды»)*. В этот же период впервые отмечено сочетание с именем собственным *Геликон*: «*Но ежели наложен долг / Мне от судеб и вышня трона, / Чтоб не лучистый милый Бог / С высот лазурна Геликона / Меня внушал…*»: Г.Р. Державин. Храповицкому: «Товарищ давний, вновь сосед…», 06.1793–08.1793».

Тематические группы слов, определяемых прилагательным ***лазурный,*** соотносятся с уже указанными нами для основного корпуса НКРЯ.

Оформившиеся в XVIII в. сочетания колоризма *лазурный* продолжают употребляться в XIX в.: укрепляется метафоризм прилагательного, появляются близкие к лексико-семантическому варианту *'цвета лазури'* оттеночные значения: '*сине-зелёный', 'светло-синий', 'голубой', 'небесно-голубой', 'бирюзовый'*. Об этом свидетельствует конкорданс НКРЯ. В данный период прилагательное *лазурный* выступает как определение для 136 имен существительных, в том числе и имен собственных: *Капрея* (1 употребление) и *Рона* (2). Как и в основном корпусе, частотными по количеству сочетаний с исследуемым колоризмом явились: *свод* — 38, *очи* — 22, *небеса и небо* — по 19, *вышина* — 15, *море* — 14, *волна* — 13, *глаза* — 12, *высота* — 10, *день и ночь* — по 9, *даль* — 8, *воды, небосклон, утро* — по 6, *равнины, свет* — по 5; *блеск, взор, небосвод, огонь, поле, пространство, стезя* — по 4; *залив, око, простор, пустыня, чаша, шатер* — по 3 употребления; *бездны, высь, глу-*

бина, грезы, дорога, краса, крыла, крыло, мгла, мир, пламя, пруд, пучина, река, степь, страна, страны, трава, тьма, царство, цвет, эмаль — по 2. Например: «*Главы закрыв лазурными крылами*: А.С. Пушкин. Гавриилиада: «*Воистину еврейки молодой…*», 1821»; «*Пред нею открыты лазурные бездны*: В.Г. Бенедиктов. Туча: «*Темна и громадна, грозна и могуча…*», 1843»; «Но вот, потупив взор *лазурный…*: Д.С. Мережковский. Легенда из Т. Тассо: «*Стальными латами одет…*», 11.1882».

82 имени существительных, представляющих тематические группы «явления природы», «время/периоды», «флора», «природные объекты», «артефакты» и др., зафиксированы в сочетании с прилагательным ***лазурный*** по одному разу: *алтарь, безбрежность, вал, весна, вечер, взгляд, владыка, воздух, гладкость, глазки, глубь, головка, грации, грот, завеса, зеркало, зерцало, зрачки, иней, край, края, крила, кристалл, конь, лента, листки, листочки, луч, луны, молния, нега, необъятность, ночка, облак, образ, озера, океан, отдаленье, парча, пелена, переливы, плен, покров, полет, полоса, полусвет, поляны, пояс (воды), прибой, приют, путь, рябь, сапфир, сарафан, светляк, селенья, сень, серебро, сиянье, скатерть, сны, сон, сонм, стенки, сумрак, твердь, тени, ткань, туман, тюрьма, фиалки, фимиам, хитон, холмы, хрусталь, царица (рек), царь, цианы, эдем, эхо, юг, ясность.* Например: «*Лазурный горизонт над нами…*: Г.П. Каменев. Желание спокойствия: «Ручей, по камешкам бегущий…», 1800»; «*Вдруг дева с криком веселья воспрянула, / Лазурный облак под ней, расстлавшись, / Заискрился…*: А.А. Дельвиг. Видение: «В священной роще я видел прелестную…», 1819–1820».

Очевидно, что во всех сочетаниях прилагательное выступает либо в прямом номинативном значении, обозначая цвет предмета, либо в метафорически-переносном, обусловленном схожестью цвета или традицией обозначения *лазурным* описываемого предмета. Но всегда сохраняется поэтически возвышенное значение прилагательного, отсылающее к стихии неба или небес, моря или водного пространства вообще, простора, широты, высоты и т.д. Например: «*Привольно, широко, красуясь и сияя, / Лазурно-светлая течет / Царица русских* ***рек****…*: Н.М. Языков. А.Д. Хрипкову: «Тебе и похвала и слава подобает!..», 04.11.1844»; «*С ней лазурной полосою / Волны к домику бегут*: Н. Ф. Щербина. Свидание: «Долго, трудно ожиданье…», 1843»; «*Лазурное небо, лазурный кристалл, / Капрею лазурную Дий даровал…*: Л.А. Мей. Кесарь Тиверий: «Лазурное небо, лазурный кристалл…». Камеи, 3, 1861».

В период с 1830-х гг. *лазурный* при сохранении атрибутивной функции выступает и в форме сравнительной степени, хотя так же, как и в прозаических текстах, это единичные случаи: «*Лазурней тихий*

небосклон…: К.Ф. Рылеев. Наливайко: «Едва возникнувший из праха…», 1825». Возможно, происхождение колоризма из относительного прилагательного «мешает» образованию новой формы, хотя и не препятствует этому. Категория качественности уже развита у прилагательного: возможно, семантика слова '*чисто-голубой, небесный*' представляется предельной степенью выражения качества, а появление у относительного прилагательного формы сравнительной степени, пусть и в единичных случаях, свидетельствует о его функционировании как качественного именно в значении колоризма.

Переход из XIX в. к XX в. благодаря литературным традициям можно назвать плавным. В текстах начала нового столетия, особенно первой четверти XX в., наблюдается увеличение валентных связей с прилагательным. Забегая вперед, подчеркнем, что этот период, вероятно, явился «лебединой песней» прилагательного *лазурный*, так как через 100 лет, уже в веке XXI, за первую четверть в поэтических произведениях, по данным НКРЯ, колоризм встретится всего 15 раз с 12 существительными.

В период с 1900 по 1999 гг. в 604 текстах прилагательное *лазурный* выступило цветообозначением к 321 имени существительному в 415 словосочетаниях, из них 18 — имена собственные: *Альциона, Арно, Вега, Венеция, Двина, Ифрит, Лазурный Берег, Марна, Москва-река, Нереиды (дважды), Ницца, Океан, Падуя, Парфенопея, Растрелли, Светлояр, Силоам, Чатыр-Даг,* например*: «И нету ни Канн, / ни Лазурного Берега*»: Р.И. Рождественский. Марк Шагал: «Он стар / и похож на свое одиночество…», 1986»; «*Так лучистая Звезда Скитаний, / Моя лазурная Вега*» (Д.Л. Андреев. «Так лучистая Звезда Скитаний…». Устье жизни, 11, 1950»); «*Теперь фонтан его поет / В лугах лазурной Альционы…*»: (Б.А. Садовской. Издателю: «Я стихотворству, ты изданью…». Самовар, 1, 1914».

Частотность имен нарицательных в сочетаниях с прилагательным *лазурный*: со словом *вода* — 21, *небо* — 15 употреблений, *день* — 12; *высь, даль, море* — по 10, *вышина, мгла* — 9; *дым, взор* — 8; *высоты, глаза, сон* — 7; *дали* — 6; *блеск, кровь, небеса, поле, розы, стезя, цветы, чаша* — 5; *атлас, воздух, путь, твердь, утро* — 4; по 3 раза (19 слов): *вóды, волны, высота, глубина, жизнь, крыла, лужи, луч, месяц, небосвод, огонь, око, омофор, пламя, свод, страны, тишь, туман, фимиам*; по 2 раза (46 слов): *ангел, ангелы, бездна, Бог, бухты, волна, вымысел, газ, гений, гладь, глаз, глазки, дни, долины, звезда, лоно, лучи, мир, мозг, ночь, огни, озера, озеро, океан, очи, перо, плащ, простор, пространства, пустыня, сирень, сияние, слава, стена, стопы, страна, струи, тропы, ту-*

маны, тюрьма, урна, фон, холод, храм, цвет, цветок; по одному случаю употребления (235 слов): *базальт, бархат, бассейн, безмятежность, берег, беспечность, благостыня, брег, букетик, буквы, бусы, бухточка, валы, василечек, век, весна, взгляд, виденье, виолончель, вихрь, внезапность, волосок, врата, вселенная, всплеск, выси, взоры, гавань, гимн, глазок, глубь, глыбы, глянец, гора, горизонт, городок, грот, губы, далени, дно, долы, дуга, думы, дыханье, епитрахиль, жена, жизненность, загадки, залив, замок, затишь, звезды, звуки, зелени, земли, зеркало, зимородок, зной, зурна, зурны, круг, камень, клубы, ковчег, кончик, косы, край, края, краска, кресла, кругозор, крутизна, крылья, кряж, кубок, купол, лампады, леденец, лен, лента, лень, линии, локоть, лук, лужица, льдины, мантии, мглистость, мгновенья, мелодия, мель, метель, мечеть, миры, могила, молитва, моря, мотылек, мотыльки, музыка, муть, муха, нагромождение, небосклон, нега, незабудки, неподвижность, ниши, окно, окна, петли, петлицы, пещеры, поля, полоса, полог, полоска, просторы, пространство, пути, обитель, обрез, одежда, ожидания, осененье, основанье, остров, пальто, пар, паруса, пелерина, перстень, перышко, песни, пестун, планета, пленности, плотица, повязка, подземелий, поднебесье, покой, покрывала, полночь, половина, полукруг, потоки, потолок, поцелуй, пределы, причал, пропасть, просветы, пруды, пряжа, птичка, пучина, пыль, радость, рань, реки, ртуть, рябь, ряса, стены, стенки, хребет, хребты, час, шар, ширь, щит, сани, сапфир, свалка, свет, сёла, серафим, сестра, синева, скалы, скарабей, сливы, слова, смерть, сновиденья, соборность, совершенство, сны, спирт, стадо, стекло, стих, стихии, столб, стремнины, строй, струи, ступени, стяг, судьба, сумерки, сфера, счастье, тайны, тело, тень, тесемки, ткань, тоска, трель, туманность, тяжесть, угар, ужас, уют, фея, фонтан, форель, хитон, хлеб, хоромы, чертог, чертоги, черточка, чешуи, чулки, шатры, шёлк, ширма, шкатулка, щель, эра, эфиры, яйцо.* Например: «*Маленький лазурный скарабей*…: Л.А. Алексеева. Скарабей, 1959»; «*Гремит лазурная сирень*…: В.Л. Корвин-Пиотровский. «Безумец, ересью прельщенный…», 1920–1966»; «*Замок лазурный из лунной мелодии*: И.В. Чиннов. «Было б неплохо поехать в Отрадное…», 1967».

Поэтические тексты XX в. демонстрируют не только максимальное количество употреблений прилагательного ***лазурный,*** но и разнообразие тематических групп, с единицами которых устанавливаются валентные связи. При этом отмечается изменение состава частотных существительных. Колоризм ***лазурный*** выступает в прямом значении со словами *вода, небо, высь, море, вышина;* в метафорическом — с существительными *мгла, дым, взор, стезя, путь, твердь, утро* и др. По-

являются сочетания с существительными, которые обозначают отвлеченные понятия, не обладающие цветом: *беспечность, думы, лень, мелодия, молитва, предел, поцелуй* и др. Но в поэтических текстах реализуется и «антитеза» такому значению, когда поэтизм ***лазурный*** выступает колористическим определением бытовых предметов и понятий: *зеркало, краска, кресло, пряжа, тесемки, чулки,* — в том числе имеющих негативно-сниженную окраску: *стадо, муха, муть*, *свалка* и др.

Подобная «демократизация» исходно поэтически-возвышенного колоризма, вероятно, предопределила снижение его частотности в качестве цветообозначения на стыке тысячелетий (см.: [Масевич, 2019, с. 35]).

XXI в. — с 2000 по 2009 г. — пока демонстрирует слабую функциональную нагрузку колоризма в поэзии, но его активное употребление в общеязыковом плане. Последний исследуемый период отмечен активным использованием номинатива *лазурный* в составе топонимов, урбанонимов, что свидетельствует о расширении синтагматических функций, но утрате колористической семантики или ее затемнении.

Значение прилагательного из конкретно-цветового не просто переходит в метафорически-абстрактное, а размывается (сочетания типа «*лазурный мозг*», «*лазурные сани*», «*лазурная свалка*» и др.). Новое тысячелетие как будто «забыло» о таком колоризме, поскольку данные НКРЯ представляют прилагательное только до 2009 года: «…ангел, как щенок, молоко лакал / из *лазурной миски*: Б.Ш. Кенжеев. «У двери порог. На дворе пророк…», 2003–2005»; «…Где *лазурная ветрянка* / Метит щеки и бедро: М.М. Степанова. «У меня синяк простейший…», Синяк, 1, 2005».

Заключение

Прилагательное *лазурный* на протяжении XVIII–XXI вв. активно использовалось в качестве цветобозначения для описания разнообразных явлений и предметов действительности в прозаических и поэтических текстах. Но как «цвет эпохи» прилагательное можно представить только для поэтических текстов первой четверти XX в. В поэзии на протяжении более двухсот лет данное цветообозначение регулярно выступает в качестве определения для существительных *взор, день, небосклон, свод,* по отношению к последнему существительному наибольшая частотность наблюдается в XIX в.; XX в. демонстрирует увеличение количества валентных связей с существительными, из которых только часть совпадает с конкордансом XIX в.

О снижении валентной активности прилагательного в качестве колоризма в начале XXI в. свидетельствуют и данные Частотного словаря современного русского языка, в котором *лазурный* отсутствует [Ляшевская, Шаров, 2009].

Возможно, колоризм переживает процесс архаизации, ухода на периферию языка или смену стилистической закрепленности. Возможно, объем его лексического значения претерпевает изменение, что отражается и на валентности слова. Дальнейшее исследование предполагает выявление лексико-семантических групп слов, определявших валентности прилагательного ***лазурный.***

Эпоха лазурного завершилась. Современные предпочтения в узусе и художественной литературе связаны с другими колоризмами группы синего цвета.

Библиографический список

Алимпиева Р.В. Становление лексико-семантических групп цветовых прилагательных в русском языке первой половины XIX в. // Вопросы семантики. 1982. № 2. С. 49–60.

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

Большой академический словарь русского языка. Т. 9: Л–Медь. Т. 9. М., СПб.: «Наука», 2007. 658 с.

Василевич А.П. Цвет и название цвета в русском языке. М.: «Ленанд», 2022. 216 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 2. И–О. 784 с.

Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.

Кезина С.В., Перфилова М.Н. Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 1. Электронный ресурс https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-valentnosti-tsvetooboznacheniy-v-istorii-russkogo-yazyka

Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. Барнаул. 2001. Вып. 2. С. 28–34.

Косых Е.А. Структурно-семантические особенности современных цветообозначений // Ученые записки российского общества цвета / под ред. Ю. А. Грибер. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. Т. 3. С. 23–30.

Косых Е.А. Цвет эпохи — эпоха цвета: к проблеме предпочтений и обозначений в русском языке // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: Тезисы докладов / под общ. ред. А. А. Кибрика, Ю.В. Мазуровой, М.К. Раскладкиной. М.: Институт языкознания РАН, 2025. 1318 с. С. 1170–1172.

Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. Электронный ресурс http://dict.ruslang.ru/freq.php

Мартынова Е.М. Свето- и цветономинациифе лицитарного аспекта существования человека // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 93–104. https://www.doi.org/10.23859/1994–0637–2020–3–96–8

Масевич А.Ц., Захаров В.П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 1. С. 21–48. https://www.doi.org/10.25205/1818–7935–2019–17–1–21–48

Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. Л–М / ред. Э.И. Коротаева, Л.В. Омельянович-Павленко. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 459 с.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб. Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992. Вып. 7.

Словарь русского языка XIX века. СПб.: ИЛИ РАН, 2023–2025. Электронный ресурс https://xix.iling.spb.ru

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / ред. акад. А.А. Шахматов. Изд. 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1897–1930. Т. 5. Вып. 1: Л–Легкий. 1915. VI с., 320 стб.

References

Alimpieva R.V. Formation of lexical and semantic groups of color adjectives in the Russian language of the first half of the XIXth century. *Voprosy semantiki* = Questions of semantics, 1982, no. 2, pp. 49–60. (In Russian).

Bakhilina N.B. The history of color names in Russia, Moscow, 1975, 288 p. (In Russian).

The Great Academic Dictionary of the Russian language, vol. 9: L–Med, Moscow, St. Petersburg, 2007, 658 p. (In Russian).

Dal` V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols, Moscow, 2006, vol. 2: I–O, 784 p. (In Russian).

Kacznel`son S.D. Towards the concept of valence types. *Voprosy yazykoznaniya* = Questions of linguistics, 1987, no. 3, pp. 20–32. (In Russian).

Kezina S.V., Perfilova M.N. The Dynamics of Color Designations in the History of the Russian Language. *Russian Humanitarian Journal* = Russian Humanitarian Journal, 2017, no1. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-valentnosti-t8 (InRussian).

Kosykh E.A. The color of the era is the era of color: on the problem of preferences and designations in the Russian language, Moscow, 2025, pp. 1170–1172. (In Russian).

Kosykh E.A. The system of color designations in the Russian language: (towards the creation and publication of the Russian Encyclopedia of Color). *Vestnik Barnaul`skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University. Humanities, Barnaul, 2001, iss. 2, pp. 28–34. (In Russian).

Kosykh E.A. Structural and Semantic Features of Modern Color Designations. *Ucheny`e zapisk irossijskogo obshhestva czveta* = Scientific Notes of the Russian Society of Color, Smolensk, 2022, vol. 3, pp. 23–30. (In Russian).

Kul'pina V.G. Linguistic Colorology: From History to the Present of Color Concept Domains, Moscow, 2019, 288 p. (In Russian).

Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the National Corpus of the Russian Language), Moscow, 2009. Retrieved from: http://dict.ruslang.ru/freq.php? (In Russian).

Marty`nova E.M. Light and color nominations of the felicitous aspect of human existence. *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Cherepovets State University, 2020, no 3(96), pp. 93–104. https://www.doi.org/10.23859/1994–0637–2020–3–96–8 (In Russian).

Masevich A.Cz., Zakharov V.P. Frequency behavior of color adjectives in Russian poetic texts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* = Bulletin of Novosibirsk State University, Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no 1, pp. 21–48. https://www.doi.org/10.25205/1818–7935–2019–17–1–21–48 (In Russian).

Dictionary of the Russian language of the XVIII century. USSR Academy of Sciences, ed. by Yu. S. Sorokin, Leningrad, 1984-1991, iss. 1-6, St. Petersburg, iss. 7. (In Russian).

Dictionary of the Russian language compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences, ed. academician A.A. Shakhmatov,

St. Petersburg, 1897–1930, vol. 5, iss. 1: L–Light, 1915, VI pp., 320 stb. (In Russian).

Dictionary of modern Russian literary language, Vol. 6: L-M, Moscow; Leningrad, 1957, 459 p. (In Russian).

Dictionary of the Russian Language of the 19th Century, St. Petersburg, 2023–2025. Retrieved from: https://xix.iling.spb.ru (In Russian).

Vasilevich A.P. Color and name of the color in Russian, Moscow, 2022, 216 p. (In Russian).

ТЕКСТ КУЛИНАРНОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПРОГРАММЫ КАК ПОЛИКОДОВЫЙ И ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ

У.В. Ромазанова

Ключевые слова: кулинарная телевизионная программа, поликодовый текст, полимодальный текст

Keywords: culinary television program, polycode text, polymodal text

https://doi.org/10.14258/filichel(2026)1–09

Введение

Актуальность исследования обусловлена активным научным интересом лингвистов к семиотически неоднородным текстам. Особенно широкий интерес к таким текстам отмечается в медиалингвистике, поскольку медиатексты, как правило, создаются на основе нескольких семиотических кодов. В русле медиалингвистических исследований не менее актуальным является изучение взаимодействия дискурсов различных видов (в том числе профессиональных) с самим медиадискурсом.

В фокусе настоящего исследования кулинарный телевизионный дискурс (медиапространство обширно, было решено ограничиться рассмотрением телевизионной разновидности медиадискурса) и его текстовая реализация, которая, по мнению Э.Г. Шестаковой, входит в число лидеров медийного пространства [Шестакова, 2017, с. 420]. Пристальное внимание к digitalfood (еде, которая демонстрируется СМИ) в западном мире отмечает Мишель Филлипов: «Contemporary research in digital food studies now encompasses a diversity of topics and approaches» [Phillipov, 2023, p. 2].

Цель статьи — описание текста кулинарной телевизионной программы как поликодового и полимодального. Для достижения цели необходимо обосновать выбор терминов *поликодовый* и *полимодальный*; проанализировать средства выражения различных семиотических кодов и способы их восприятия; определить, какие функции они выполняют. Новизна исследования заключается в определении функциональной нагрузки компонентов текста, принадлежащих разным семиотическим системам, но составляющих в совокупности единое целое. Новым является и материал, который ранее не привлекался для по-